

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

Прикосновение к легенде

Воображение рисует картину бурной реки с порогами, рёв воды и облака брызг. Где-то посредине бурлящей воды лодка с мужчиной, похожим на отца, и с маленькой девочкой, съёжившейся от холода на корме.

Мужчина начинает приобретать размеры и черты воина-дружинника, напоминающего героя эстонских эпосов с иллюстраций – Калевипоэга, на полусогнутых, твёрдо стоящих ногах посреди челна с устремлённым вперёд лицом, ловко маневрирующего одним веслом его ходом среди перекатов и бурунов. Маленькая девочка взрослеет на глазах, появляется благородная осанка и царственный взгляд женщины-легенды, княгини...

– Ну и какого лешего ты, старый чёрт, потащил на реку с пятилетним ребёнком, совсем из ума выжил, – раздался голос матери.

Динамичная картинка-видение окончательно рассеялась, и за праздничным столом воцарилась короткая пауза.

– Значит, так надо было! – стал защищаться слегка выпивший семидесятипятилетний папаша, по случаю Дня Победы впервые рассказавший о своём героическом прохождении знаменитых Скарятинских порогов на реке Нарова с пятилетней дочкой.

– Чего надо было? Самому пьяному утонуть и ребёнка угробить, – продолжала возмущаться в годовщину свадьбы неугомонная пенсионерка и давно уже бабушка троих взрослых внуков.

– Себе доказать, что смогу, что ещё на что-то годен, хотя бы преодолеть эти речные пороги, там когда-то по легенде переправлялась княгиня Ольга со своей дружиной, и лодка перевернулась. Один дружинник утонул, а княгиня чудом спаслась. На месте спасения был поставлен большой каменный крест, позднее названный Ольгиным Крестом, а потом и храм воздвигли, – начал оправдываться старожил Принаровья, уроженец деревни Скарятин Гора, сожжённой во время войны зимой 1944 года отступающими фашистами.

– Да и не старый тогда был, сорока лет ещё не стукнуло. В трезвом уме был – «как стёклышко» – и всё понимал. Это уже потом хорошо принял, когда благополучно доплыли и договорился, чтобы лодку отбуксировали обратно в Васькарну хозяйну.

Дочка постбальзаковского возраста, судя по её лицу, не помнящая этого эпизода, сидела ошеломлённая отцовским рассказом, её сын смотрел широко открытыми глазами на деда, как на былинного героя.

– Всё равно старый пень и дурак! – вынесла окончательный вердикт старушка ветерану войны и труда.

– Ну а меня почему не взял с собой? – поинтересовался старший сын.

– Не помню, но надо было с дочкой, чтобы доказать, в общем, с ней нужно было пройти это злополучное место, – завершил дискуссию отец.

Далее беседа перешла в спокойное русло традиционного отмечания Дня Победы, главного семейного праздника, совпадаю-

щего с очередной годовщиной брака, пока были живы родители...

Через несколько лет после смерти отца пришлось разбирать семейный архив и переводить фотографии и документы в электронный вид для компактного хранения и удобства пользования.

При сканировании трудовой книжки ветерана труда с более чем пятидесятилетним стажем обнаружил, что в том примечательном году с преодолением Скарятинских порогов с малолетней дочерью отцу трижды пришлось менять место работы.

НИ РАБОТЫ, НИ ЖИЛЬЯ, И ЦЕЛОСТНОСТЬ СЕМЬИ ПОД УГРОЗОЙ

Чтобы изменить судьбу и будучи под впечатлением от услышанного в детстве предания, ветеран-разведчик и придумал такой необычный способ преодоления своих проблем. Помогло. До конца жизни одновременно таких невзгод больше не было...

Полагаю, что после такого героического поступка моего предка из славного рода крестьян Принаровья душа утонувшего дружинника княгини Ольги больше не подталкивала никого к таким «подвигам» и наконец упокоилась.

Главная переаттестация дедушки

Оказавшись на минутку вне поля зрения дедушки и бабушки, внучка Катя четырёх лет, привлечённая яркими обложками книг на полках мебельной стенки, парочку из них беспечно уронила на пол из-за разочарования. Внутри не оказалось красочных иллюстраций, как в детских книжках. За что была удалена из гостиной и отправлена к бабушке на кухню с лёгким шлепком вдогонку. Определённые книги в сознании дедушки продолжали оставаться с советских времён даже не материальной ценностью из-за тогдашней дефицитности, а скорее

эмоциональной зависимостью от комфортного прочтения.

– Дедушка плохой, его надо выгнать на улицу! – вынесла предварительный вердикт четырёхлетняя девочка, жалуясь молодой бабушке. – Он не разрешает книжки трогать.

– Дедушка не плохой, просто это не детские книги. Вот он их и бережёт, в том числе и для тебя. Когда станешь взрослой, и тебе можно будет их читать, – последовала воспитательная работа с внучкой. – А если мы выгоним дедушку, кто нам будет во всём помогать? Сама подумай, что для тебя дедушка делает.

Катя на полминуты задумалась, о чём-то шёпотом рассуждая сама с собой. Затем для деда, подслушивающего за дверью кухни, прозвучала короткая характеристика некоторых его деяний за последние пару лет из уст внучки.

– Ну, дедушка собирает мне детскую мебель, делает молочные коктейли, кормит голубей на балконе и прячет игрушки в комнате, а я их нахожу, – выдала семейно-служебную характеристику своему деду девочка Катя и, чуть помешкав, добавила:

– Ладно, сегодня пусть остаётся.

– Ага, а про фруктовые коктейли забыла, – подумал довольный дед, трудовая книжка которого напоминала путеводитель по предприятиям города, и получивший за свою жизнь не менее двух-трёх десятков бюрократических, производственных и служебных характеристик, словно написанных под копирку. – Надо не забыть, за выходные собрать трельяж и шкаф из набора игрушечной мебели для кукол, – вспомнил ветеран перестроек и реформ, только что прошедший переаттестацию, тихонько направляясь в гостиную.

